

Койнова-Цёлнер Юлия Васильевна (Yu. Koinova-Zoellner), PhD, доцент Дрезденского технического университета (*г. Дрезден, Германия*) (*Dresden, Germany*); Julia.Koinova-Zoellner@tu-dresden.de

УДК 82.09

ПОЛИФОНΙΑ Ф. И. ТЮТЧЕВА

Аннотация. В статье обоснуется контекстуальный полифонизм в целях анализа наследия Ф. И. Тютчева, который позволяет как можно точно понять идеи, смыслы наследия, его самостоятельных и различных частей. Употребляемое сравнение творчества Тютчева с полифонией в данной статье имеет значение только образной аналогии, не больше, чем метафора. Но эта метафора наиболее точно отражает суть творческого наследия Тютчева: многоплановость и смысловое многоголосие, переход из одного смыслового контекста в другой, от мечты в реальность, от романтизма в плоскость прагматизма, космического хаоса непосредственно в плоскость реальности: «множественность не приведенных к одному идеологическому знаменателю центров – сознаний» (Бахтин, 1963; с. 22).

Ключевые слова: контекстуальный полифонизм, полифония, поэзия, политика, перевод, Ф. И. Тютчев, Германия, Россия, противоречие.

POLYPHONY BY F. I. TYUTCHEV

Annotation. The article argues contextual polyphonism to analyse the heritage of F.I. Tyutchev, which allows as accurately as possible to understand the ideas, meanings of the heritage, its independent and different parts. The comparison

of Tyutchev's work with polyphony that we use in this article has the meaning of a figurative analogy only, no more than a metaphor. However, this metaphor reflects most accurately the essence of Tyutchev's creative heritage: multiplicity and semantic polyphony, transition from one semantic context to another, from dream to reality, from romanticism to the plane of pragmatism, cosmic chaos directly to the plane of reality: «the multitude of centres - consciousnesses - that are not brought to one ideological denominator». (Bachtin, 1963, 22p.)

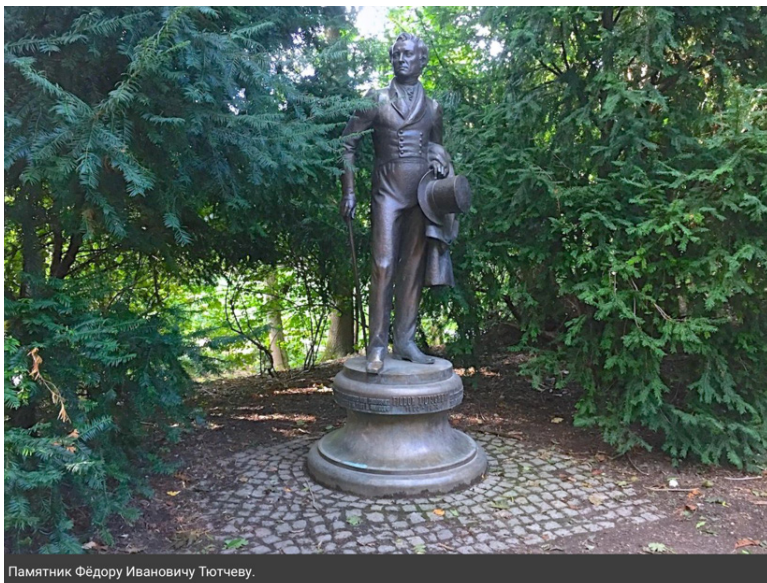
Keywords: contextual polyphony, polyphony, poetry, politics, translation, F.I. Tyutchev, Germany, Russia, controversy.

*«Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется...»
Ф. И. Тютчев (1869)*

Поэзия и политика были основными влечениями Ф.И. Тютчева, «этого величественного и простого, и такого глубоко настоящего умного старика», как охарактеризовал его Л. Толстой в своих письмах [Фет, 1890; с. 30].

О нём написано множество книг и статей, чтение которых убеждает о невозможности познания истинного таланта этого человека, в котором совмещались такие антиподы, как остроумный собеседник и чиновник, лирик и политик, поэт и философ, любящий муж и любовник.

В Мюнхене Федору Ивановичу Тютчеву установлен памятник рядом с памятником Г. Гейне. На основании статуи, изображающей Тютчева в рясе, шляпе и с тростью, высечена надпись на немецком и русском языках: «Он служил России как дипломат в Мюнхене и человечеству как поэт и философ».

Памятник Фёдору Ивановичу Тютчеву.

Надпись на пьедестале по-русски и по-немецки гласит:

«Он служил России в Мюнхене как дипломат, а человечеству как поэт и философ.»

Надпись на пьедестале памятника.

Вопрос был, есть и будет: кем Ф. И. Тютчев хотел остаться в вечности, написав строки: «Как сердцу высказать себя? Другому как понять тебя? Поймёт ли он чем ты живёшь?» («Silentium!», 1863).

Можно лишь предполагать, что самому Ф. И. Тютчеву больше всего хотелось быть влиятельным политиком, и поэзия была для него теньвым фоном, средством рефлексии событий в его жизни и его эмоционального состояния. Его стихи в пушкинском «Современнике» под заголовком «Стихи, присланные из Германии» были подписаны инициалами Ф.Т., и как описывал А. Фет встречу с Тютчевым, которому на тот момент было уже 64 года, «Федор Иванович болезненно сжимался при малейшем намеке на его поэтический дар, и никто не дерзал заводить с ним об этом речи» [Фет, 1890; с. 30]. Напротив, свои политические проекты он бесстрашно представлял не только высшим чиновникам министерства, но и лично самому царю.

По иронии судьбы, в России его почитают в первую очередь как поэта. Его поэтический дар отмечали целый ряд поистине великих писателей и поэтов: «...Мы решительно относим талант г. Ф. Т-ва к русским первостепенным поэтическим талантам.», так написал Н. Некрасов в 1849 году [Кожин, 1989; с. 344]. При этом, на протяжении всего XIX века поэт оставался малоизвестным в России, а его политические статьи и письма совсем были позабыты. В петербургском обществе, где он часто бывал после возвращения в Россию, его знали как автора остроумных и колких высказываний и лишь немногие знали, что он был поэтом. Он не был тщеславным и писал стихи больше для себя, чем для людей: «Тютчев – один из самых замечательных русских поэтов... Все его стихотворения написаны, как сказал бы Гёте, для определенных случаев, т.е. они не выдуманы, а выросли сами собой, как плод на дереве... Мы не можем, однако, пророчить Тютчеву популярность, да он и сам, вероятно, не стремится к ней. Его талант направлен не на толпу, и не от толпы он ждет откликов и похвал. Но он создал слова, которые никогда не умрут» [Тургенев, 1844–1854]. Причины своей мимозной застенчивости на публике он сам описал в стихотворении «Silentium!»: «Мысль изреченная есть ложь; Взрывая, возмутишь ключи: Питайся ими – и молчи» («Silentium!», 1863).

Сложно ответить на вопрос и потому, что наследие Тютчева противоречиво. Ф. И. Тютчев являет собой личность, в которой постоянно взаимодействовали нескольких порой противоречивых сознаний, из которых ни одно не стало до конца объектом другого.

Противоречие – основная характеристика его творчества и жизни, где кажется самое несовместимое необычным образом совмещалось:

- Он, выходец из России, стал своим в Западной Европе, которая уже оправилась от Французской революции и строила новое буржуазное общество.

- «Человек, всегда находившийся в курсе всех наиболее существенных новостей её политической и интеллектуальной жизни, ухитрился не заметить идущей там полным ходом промышленной революции» [Экштут, 2013; с. 9].

- По-европейски образованный гражданин мира, который более чем 22 года своей жизни провёл за границей и владеющий лучше французским и немецким, чем русским языками, выступал, однако, против немецкого влияния в России и мечтал о славянской Империи как альтернативы для Западной Европы.

- Он, который приветствовал свободу мысли и перевёл оду Шиллера «An die Freude», провозглашающую братство и свободу: «... Ты сближаешь без усилия всех разрозненных враждой, там, где ты раскинешь крылья, люди – братья меж собой. Обнимитесь, миллионы! Слейтесь в радости одной!», – служил более 20 лет в цензурном комитете по иностранным книгам в министерстве иностранных дел.

- Хотя в Германии Ф. Тютчева-поэта знали ещё меньше, чем в России, ценители его поэзии считали, что его поэзия немецкая: «Что касается внешнего выражения поэзии Тютчева, ... то прежде всего принять во внимание, что он воспитывался на образцах немецкой поэзии. Гейне, Ленау, Эйзендорф, отчасти Шиллер и, в очень сильной степени царь и бог немецкой поэзии Гёте – вот его главные учителя. Тютчев ценил Гюго, Ламартина, кое-кого из французов, но дух их поэзии, их «манера» были ему чужды. Поэзия Тютчева, в лучших своих созданиях, жива не метафорами и антитезами, как поэзия французская, но целостью замысла и певучестью строфы, как поэзия немецкая ...», писал Брюсов в 1913 году [Hellmann, 1948; с. 279]. Тютчев перевёл целый ряд немецких стихотворений на русский по просьбе других. Например, Гербель попросил его перевести стихотворение Шиллера «Фортуна и мудрость»: «С временщиком Фортуна в споре к убогой Мудрости летит...» (1857) и его балладу «Праздник победы». Он переводил произведения Гёте «Вильгельм

Мейстер»: «... Кто хочет миру чуждым быть, тот скоро будет чужд! Ах, людям есть кого любить, что им до наших нужд!» (1831). Он переводил стихи на русский язык, с немецкого и французского которые не оставили равнодушным его самого – как «продукты своего чтения», в числе таких много произведений Гейне «Сборник песен» (1827) «Путешествие из Мюнхена в Генуя» (1828), «Фауст» Гёте (1832) и т.д. Он переводил и писал на русском, создавая по теме автора, свою вариацию стихотворения, например, «Колумбус» Шиллера или «Саконтала» Гёте: «Что юный год даёт цветам? – Их девственный румянец. Что зрелый год даёт плодам? – Их царственный багрянец. ...» (1827) [Hellmann, 1948; с. 275–320].

• Стихотворение, столь всем известное, «Я встретил Вас» Тютчев посвятил любимой женщине-немке, баронессе Амалия Крюденер: «И то же в вас очарованье, и та ж в душе моей любовь!..». Тютчев дважды женился на женщинах-немках: первый раз на госпоже фон Петерсон, урожденной графине Ботмер, второй раз – на баронессе Дёрнгейм, урожденной баронессе Пфедфель. Он провёл много времени с немецкими учеными и поэтами, гостями Людвига I, и был депутатом немецкого парламента. Он часто встречался с философом-учёным Шеллингом и близко общался с поэтом Гейне, и годами не имел никакой связи с интеллектуальной Россией. Он находился под постоянным влиянием интеллектуальной Германии, и при этом, однако, он противостоял союзу России с Западной Европой, союзу с Германией. В 1848 г. Тютчев написал политическое стихотворение «Море и скала», в котором скала символизировала священную Россию, а море – европейскую революцию, бессильную, разбившуюся о скалу.

• Статью «Россия и Германия» он написал в Мюнхене, в 1844 году на французском языке. В своей статье он опротестует описание России, как бедной, и нищету русских людей, представленных в книге Де Кустин «Россия в 1839 году» [Harms, 1991; с. 8]. А в позднее сам воспекает в стихотворении скудность и бедность России: «Эти бедные селенья, эта скудная природа – край долготерпенья, край ты Русского народа...» [«Эти бедные селенья», 1855].

• Характерная черта поэта, отмечаемая его современниками, – воплощенное смирение, являемое им везде, где бы он ни был. «Отмечали они..., что у Тютчева не было врагов, и это при том, что поэт был в гуще самых яростных политических и идеологических споров. ...» [Пацюков, 2003; с. 9].

• Не практикующий православный христианин, он считал, что спасение заключено в вере во Христа, соединенной с праведным образом жизни. А отсутствие религиозной веры приводит к чудовищным, катастрофическим последствиям, хаосу в душе и во внешнем мире: «Не плоть, а дух растлился в наши дни. И человек отчаянно тоскует... И сознаёт свою погибель он, и жаждет веры ...» [«Наш век», 1851].

• Приезжая на родину, он восхищался нетронутой красотой мира в любую погоду и уделял большое внимание противоречию единства человека с природой. С одной стороны, человек – часть этого мира и должен жить в гармонии с ним, сливаться с физической природой: «В ней есть душа, в ней есть свобода, в ней есть любовь, в ней есть язык!» С другой стороны, человек – это совершенно неизвестный мир, полный хаоса, и такое слияние опасно: «...Лишь в нашей призрачной свободе разлад мы с нею сознаем...» [«Певучесть есть в морских волнах», 1865]. В своей рефлексии Тютчев подчёркивал силу природы, скрытую в человеке, и природы контекста, которые владеют человеком, и которые человек не в силах побороть: «О, как убийственно мы любим, как в буйной слепоте страстей, мы то всего вернее губим, что сердцу нашему милей» [«О, как убийственно мы любим», 1851].

• Вернувшись в 1844 году в Россию, он написал: «Итак, опять увиделся я с вами, места немилые, хоть и родные». Он скучал по Германии: «Я помню сердцу милый край...», что не помешало ему написать: «...Как перед ней ни гнитесь, господа, Вам не снискать признанья от Европы: В её глазах Вы будете всегда не слуги просвещения, а холопы...» [«Напрасный труд – нет, их не вразумишь», 1867]. Его монография «Россия и Запад» должна была быть монументальным документом, но осталась незавершённой.

Этот ряд противоречий можно продолжить. Эта его «множественность самостоятельных ролей и равноправных сознаний, которые сохраняя свою неслиянность» [Бахтин, 1963/2002; с. 10] в контексте событийности, представляют собой подлинную полифонию его наследия и жизни, ведь именно «собственная жизнь была его главным произведением – и он относился к ней так же легко и беззаботно, как к текстам своих стихов и их дальнейшей судьбе» [Экштут, 2013; с. 6].

В этом заключается поистине трудная задача, принять и понять в наследии Тютчева, трудность многоголосия слов и дел Тютчева, создать из многоголосия, из разнородных, и в то же время равноценных и философски наполненных материалов, единое и цельное художественное восприятие творца Тютчева, создать его полифонию. При этом полифония не представляется знаком удачной коммуникации, она может создаваться произвольно, что создаёт многоголосие или множество различных установок, создавая тексты различной формы: стихи, записки, письма, статьи, заметки. Поликонтекстуальность, как результат, тесно связана с различными ожиданиями читателей и ответственностью понять и принять или отвергнуть авторский текст.

Бахтин (1963) настаивал на том, что к человеку нельзя применить формулу тождества: «А есть А», то есть нельзя полагать нечто неизменное в человеке. Напротив, подлинная жизнь личности, подлинное «Я», возникает как раз в точке несовпадения человека с самим собой, как выражение человеческой «незавершенности» или с другими. Чтобы охватить личность в целом, пишет он, нужна позиция «внеаходимости»: «Я вижу мир, вижу других в мире, но не себя в мире... Я вхожу в мир как главное действующее лицо, я вызываю у других удивление, восхищение, испуг, любовь, вижу у других выражение этих отношений ко мне, но себя не вижу. Мы ловим отражения нашей жизни в сознании других людей» [Бахтин, 1963; с. 67].

Полифония Тютчева означает осмысление не только его стихов, статей, писем, но и актуализация максимально большего количества его поступков и особенностей индивидуальной жизни Тютчева, его отношения к жизни. Недаром, на памятнике Тютчеву в Мюнхене написано, что он философ.

Характерными чертами философских текстов Тютчева являются мотивы вечности, мироздания, происхождения жизни и сопротивление биполярных сил: порядок и хаос, свет и тьма, день и ночь. Подчас несовместимые смыслы и интонации стихов и статей Тютчева распределены между несколькими мирами и несколькими полноправными сознаниями, они не могут быть охарактеризованы как монолог. Они отражают не один горизонт, а несколько равноценных горизонтов, создавая единство полифонического творчества Тютчева.

Как бы разные системы отсчета объединяются здесь в сложном единстве картины мира и времени, здесь и там. Различные точки зрения отражают разнообразие оттенков противоположных мнений, которые существуют самостоятельно в одном же материале.

Таким образом, обращение автора к самому себе, о себе самом, к другим и о других, и о мире так же полномерно, как обычное авторское слово.

Всё наследие Тютчева глубоко своеобразно по глубине. Его материал очень своеобразный, его «героиней» была идея, мысль, которые он прорабатывал по-своему. Он оригинален в своей рефлексии. Мысль, как ответ на события, будь то прочитанная статья в газете или книга француза-путешественника, приобретает особый характер «идеи-чувства», «идеи-силы», и создает неповторимое своеобразие «идеи» – философии в письменном творчестве.

Необходимо отметить, что употребляемое сравнение творчества Тютчева с полифонией в данной статье имеет значение только образной аналогии, не больше, чем метафора. Но эта метафора наиболее точно отражает суть творческого наследия Тютчева: многоплановость и смысловое многоголосие, переход из одного смыслового контекста в другой, от мечты в реальность, от романтизма в плоскость прагматизма, космического хаоса непосредственно в плоскость реальности: «множественность не приведенных к одному идеологическому знаменателю центров – сознаний» [Бахтин, 1963; с. 22].

Наследие Тютчева на фоне актуального обострения отношений России и Европы, России и Запада не утратила своей педагогической актуальности. Он осуждает «обоготворение человека человеком... человеческую волю, возведённую в нечто абсолютное и державное, в закон верхний и безусловный» [Тарасов, 2006; с. 27–28], он отрицает насилие и варварство и противопоставляет их любви, и с этим трудно не согласиться.

Список использованной литературы:

1. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского. – Москва, 2-е изд., 1963 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://fedordostoevsky.ru/pdf/bakhtin_ppd.pdf. – Дата доступа : 15.09.2023.
2. Кожин, В. В. Тютчев // История всемирной литературы в 9 томах. – Москва : Изд. Наука, 1989. Т. 6. – С. 344–349 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.ruthenia.ru/tiutcheviana/publications/iv1.html>. – Дата доступа : 15.09.2023.

3. Пацюков, В. В. Ф. И. Тютчев. Россия и Европа / В. В. Пацюков. – Москва : Изд. ПЦ, Художник и книга, 2003. – 223 с.
4. Полонский, А. Э. «Здесь Тютчев жил...». Русский поэт в Мюнхене / А. Э. Полонский. – Киев: Изд. КМЦ, «Поэзия», 2003. – 352 с.
5. Тарасов, Б. Н. : Историософия Ф. И. Тютчева в современном контексте / Б. Н. Тарасов. – Москва : Изд. Наука, 2006. – 158 с.
6. Тургенев, И. С. (1844–1854): Несколько слов о стихотворениях Ф. И. Тютчева. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Сочинения. Том 4. Повести и рассказы. Статьи и рецензии. 1844–1854 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [https://ru.wikisource.org/wiki/Несколько_слов_о_стихотворениях_Ф._И._Тютчева_\(Тургенев\)/Версия_2](https://ru.wikisource.org/wiki/Несколько_слов_о_стихотворениях_Ф._И._Тютчева_(Тургенев)/Версия_2). – Дата доступа : 15.09.2023.
7. Тютчев, Ф. И. (1987) Полное собрание сочинений, серия: Библиотека поэта. – Ленинград : Советский писатель, 3-е изд. – 448 с.
8. Фет, А. А. (1890) Мои воспоминания [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://libclub.com/F/FetAA/FetAA-303-30.htm>. – Дата доступа : 5.09.2023.
9. Экштут, С. Тютчев. Тайный советник и камергер / С. Экштут. – Москва : Изд. Молодая гвардия, 2013. – 262 с.
10. Harms, M. Hsg. Fjodor Tjutschew. Russland und Der Westen. Politische Aufsätze. – Berlin: Verlag Ernst Kuhn, 1992. – 111с.
11. Hellmann, M. Deutsche Dichtung in russischer Übertragung. Shukowskij, Lermontow, Tjutschew. – Weimar: Hermann Böhlau.